

Всю ночь валил густой снег. Сегодня у учителя был выходной, и занятий не намечалось. Су Цили, дрожа от утренней стужи, как раз собирался встать и приняться за книги, когда снаружи появился слуга. Склонившись, он что-то прошептал ему на ухо; лицо юноши озарилось радостью, и он поспешно последовал за ним.

Слуга привёл его к воротам внутреннего двора и велел подождать. Спустя мгновение оттуда вышел Цзи Линьси.

В сравнении с прежними бедными одеждами, нынешний наряд Линьси выглядел куда богаче, да и в самом его облике прибавилось достоинства. Если при первой встрече от него ещё веяло нуждой и безвестностью, то теперь от этого не осталось и следа.

Поддавив укол зависти, Су Цили с восторгом шагнул навстречу:

— Брат Линьси! Сколько же мы не виделись!

И впрямь прошло немало времени: с тех пор как Цзи Линьси перебрался во внутренние покои, они почти не общались. Цили и сам искал встречи, но тот, будучи компаньоном сына канцлера, был постоянно занят, и увидеться с ним не представлялось возможным.

Линьси тоже принял самый радушный вид и, крепко пожав ему руку, произнёс:

— Давно не виделись, брат Цили! — На его лице отразилось искреннее сокрушение. — Как поживаешь? Право, не вини меня, что не заглядывал: служба при молодом господине отнимает всё время, и свободной минуты не выкроить.

— Понимаю, всё понимаю, — участливо отозвался Су Цили. — Служить при сыне канцлера — дело непростое. У нас всё хорошо: господин канцлер время от времени присылает людей справиться о наших делах, да и новый учитель объясняет материал куда лучше, чем тот, что был в Цзинчжоу.

— Теперь я спокоен. А то всё переживал, что ты затаил на меня обиду, решив, будто я забыл о нашей дружбе.

Они обменялись ещё парой фраз, и Цили, видя, что Линьси так и не объяснил причину зова, не удержался от вопроса:

— Брат Линьси, так зачем ты велел позвать меня?..

Тот хлопнул себя по лбу:

— Гляди, какая память! Я ведь хотел передать тебе кое-какие вещи. Погоди немного, брат Цици, я сейчас принесу.

С этими словами он повернулся и скрылся во дворе. Глядя на изысканный сад и спящих слуг, Су Цици ощутил, как в душе шевельнулись жадность и жгучая неприязнь.

Говорят, даже привратник у ворот канцлера — чиновник седьмого ранга, а по нынешнему положению Линьси и вовсе не уступил бы пятому, раз уж он распоряжается слугами в поместье самого канцлера Вана.

«Почему же в тот день в саду читал книги он, а не я? — Су Цици сжал кулаки. — Будь я на его месте, удача улыбнулась бы мне! Этот Линьси просто перехватил мою судьбу!»

Он был уверен, что приятель до сих пор не догадывается о его былых попытках навредить ему. Что и говорить, его методы всегда были тонки и скрыты от глаз, обычному человеку их не распознать.

Вскоре Линьси вернулся, неся в руках стопку книг и кипу бумажных свитков. Протянув их Су Цици, он пояснил:

— Это те книги, что учитель велел читать молодому господину Ван Чии. А в этих свитках — мои записи с уроков и трактаты, которые мы сдавали в качестве домашних заданий. Думаю, они будут тебе полезны. Возьми, изучи на досуге, а через несколько дней вернёшь.

Услышав это, Су Цици едва не задохнулся от волнения.

— Это... это же!.. — Он поспешно схватил предложенное обеими руками. Бросив беглый взгляд на записи, он не смог скрыть ликования и воскликнул: — Брат Линьси, ты просто спас меня!

Подобные вещи нельзя было купить ни за какие деньги.

Линьси мягко улыбнулся:

— Я считаю тебя своим близким человеком. Помнишь ту доброту, с которой ты угощал всех в таверне во время Сянши и после оглашения результатов? Я храню это в сердце и рад, что могу отплатить тебе тем же.

Су Цици, не уловив скрытого смысла в его словах, лишь утвердился в мысли, что Линьси ничего не знает о его кознях. Ему не терпелось вернуться к себе и поскорее вгрызться в эти бесценные труды. Линьси не стал его задерживать, лишь пожелал усердия в подготовке к столичным экзаменам и отпустил.

Глядя вслед спешащему Цили, Линьси едва заметно приподнял уголки губ. В его глазах на мгновение вспыхнул ледяной, зловещий блеск.

Хм, вещи Цзи Линьси не так просто взять, как кажется.

Шло время. Благодаря обмену книгами и свитками Линьси и Су Цили стали видеться всё чаще. Тот то и дело «случайно» ронял сведения о том, что он слышал подле Ван Чии или самого канцлера. Поначалу Цили ещё сомневался, но вскоре уверовал в каждое его слово.

Наступил одиннадцатый месяц, год близился к исходу.

Перед каждым столичными экзаменами находилось немало тех, кто ломал голову в поисках лёгкого пути. Ведь если удача улыбнётся, можно в одночасье взлететь до небес, изменив судьбу и став одним из сильных мира сего.

Нашлись и те, кто наживался на чужих чаяниях, торгуя якобы «подлинными темами» испытаний.

Этот год не стал исключением. По столице ползли тёмные слухи, в которых правда перемешивалась с вымыслом так, что и не разобрать. Кое-кто даже выдавал себя за доверенных лиц министра ритуалов, продавая подсказки. Множество книжников носились по всему городу, надеясь уловить хоть крупицу истины.

Цзи Линьси, ставший компаньоном Ван Чии и часто приглашаемый в кабинет канцлера, стал в академии Шаньсюэ предметом всеобщего пристального внимания.

Человек положения Ван Яна мог лишь парой слов обмолвиться с теми, кто составлял вопросы, чтобы узнать круг тем для Хуиши — в этом и заключалась власть великих чиновников. И ведь не подкопаешься: ни улики, ни доказательства, лишь дружеский совет. То, что канцлер ценит Линьси и мог дать ему подсказку, казалось всем вполне вероятным. Но стоило кому-то попытаться пригласить его на встречу, как юноша под разными предлогами вежливо отказывался.

Если другие лишь гадали, знает ли Линьси что-то, то Су Цили был в этом абсолютно уверен. Перед самыми экзаменами все книжники обычно пребывают в крайнем напряжении, стараясь выжать из себя последние силы. Наблюдая за приятелем, он заметил, что тот выглядит подозрительно спокойным, словно победа уже у него в кармане. Тот больше не трудился так усердно, как прежде, и позволял себе некоторую расслабленность.

Цили и сам надеялся пройти испытания, но кто бы отказался от большего?

Разница между первой, второй и третьей ступенями списка победителей была огромной, как между небом и землёй. Те, кто попадал в третью группу, всю жизнь могли прозябать на мелких должностях в захолустье. Вторая группа давала шанс закрепиться в столице и начать восхождение. А если случится чудо и ты попадёшь в первую группу — станешь Таньхуаланом или даже Чжуаньюанем... тогда твоя карьера будет блистательной!

Одержимый этой мыслью, он твёрдо решил выведать правду у Линьси. Но как бы тонко он ни закидывал удочку, тот не проронил ни слова.

— Дорогой брат, раз уж тебе что-то известно, поделись хоть парой слов. Я до конца дней не забуду твоей милости!

— Эх, брат Цили, не ставь меня в неловкое положение. Если и ты начнёшь на меня давить, я и вовсе не буду знать, куда деваться.

Эти слова лишь подтвердили догадки Су Цили: Линьси точно владел тайной.

Когда Линьси сказал: «Я и так помогаю тебе чем могу, отдаю книги и свои записи», — Цили с притворным стыдом признал свою неправоту, пообещав больше не поддаваться дурным мыслям.

Но про себя он лишь презрительно хмыкнул.

«Книги, записи, трактаты — всё это пустяки, мелочи, которыми он делится лишь для отвода глаз. Самое важное Линьси держит при себе, не желая ни с кем делиться. А ведь мог бы просто намекнуть на темы эссе — невелика беда!»

Впрочем, так было даже лучше. Если бы собеседник заговорил слишком легко, Су Цили мог бы заподозрить обман. Видимо, стоило сменить подход, чтобы развязать ему язык.

Вспомнив, каким Линьси становился после вина в день оглашения результатов Сянши, Су Цили осенило.

Некоторое время он больше не докучал приятелю расспросами. В их беседах он деликатно обходил опасную тему, усыпляя бдительность друга. И когда тот окончательно расслабился, Цили пригласил его в отдельный кабинет таверны, не поскупившись на изысканные яства и дорогое вино.

— Прошу, брат Линьси, ешь и пей в своё удовольствие. Пусть это будет скромной благодарностью за твою помощь, и ничего более, — нарочито щедро произнёс Су Цили, хотя сердце его обливалось кровью при мысли о тратах.

Жизнь в столице была несравнимо дороже, чем в Цзинчжоу. Его семья была зажиточной по

меркам провинции, и отец дал ему с собой четыре тысячи лянов. Но одна лишь рекомендация в поместье канцлера обошлась в тысячу. Остальные деньги уходили на подарки и заведение нужных знакомств. За несколько месяцев от казны почти ничего не осталось. Сегодняшний ужин стоил ещё несколько сотен, и теперь в его кошельке гулял ветер.

Но если эти деньги купят ему место в списке победителей, значит, они потрачены не зря.

Линьси, «ни о чём не подозревая», после долгих уговоров принялся за еду. Беседа лилась непринуждённо, и под льстивые речи Су Цили юноша чаша за чашей опустошал вино. Вскоре его взгляд затуманился, а на лице проступило хмельное оцепенение.

— Брат Цили... Только подле тебя я могу найти покой, — пробормотал он, подперев голову рукой. Половина его лица была скрыта тенью, другая — освещена дрожащим пламенем свечи; в его чертах сквозила глубокая печаль.

Су Цили вновь наполнил его чашу и участливо произнёс:

— Я понимаю тебя. Сейчас в академии все только и говорят о том, что тебе известны темы экзаменов. Они точно не оставят тебя в покое.

Осушив чашу, Линьси принялся вертеть её в руках, разглядывая своё расплывчатое отражение на глянцевой поверхности, и хмельно икнул:

— Темы... Темы всегда одни и те же. Четыре книги, Пять канонов, трактаты о государственном управлении и верности государю, стихи... Что с того, если я укажу им направление? Разве их таланта хватит, чтобы превзойти меня? Им бы лучше знать своё место.

В академии Линьси всегда держался как благородный муж, и эта сторона — полная насмешек и высокомерия — показалась Су Цили на редкость правдивой.

Он ничуть не удивился. Разве стал бы истинный благородный муж так заискивать перед сыном канцлера?

— Брат Линьси прав, — поддакнул он. — Им до тебя как до луны. К тому же, они и пальцем не ударили, чтобы помочь тебе, а теперь хотят выведать тайны. Сплошная наглость.

Линьси холодно усмехнулся:

— Вот именно! Теперь они лезут ко мне с дружбой, но дудки! Когда они отворачивались от меня, то и не думали, что наступит такой день.

Он выглядел как типичный выскочка, опьянённый успехом.

Решив, что доверие завоёвано, Су Цили подлил ещё вина. Линьси казался окончательно лишившимся рассудка. Цили, будучи человеком осторожным, не стал спрашивать в лоб, а со вздохом заметил:

— Тебе тоже несладко приходится. Говорят, характер у молодого господина Ван Чии — не сахар, и угодить ему непросто.

При этих словах печаль на лице Линьси сменилась обречённостью.

— Молодой господин... У него и впрямь непростой нрав. Но он — сын канцлера. Будь у меня такое положение, я, быть может, вёл бы себя ещё хуже. Но только... эх...

Су Цили придвинулся ближе.

— Господин канцлер уже обеспечил сыну место Таньхуалана в списке победителей, — прошептал Линьси. — Но вот его трактаты и эссе... Тут ему ещё не хватает мастерства. Я долго трудился над своим собственным эссе для Хуиши, вложил в него всю душу... Но помня о доброте канцлера... и желая угодить им обоим, чтобы обеспечить себе... великое будущее... я решил отдать этот труд молодому господину. С таким эссе на дворцовых экзаменах его без колебаний назовут Таньхуаланом. И тогда он точно не забудет меня при дворе.

— И тогда... — Он с восторгом осушил чашу, и его лицо порозовело. — Тогда мой путь к власти будет открыт! Никаких преград!

Су Цили был потрясён. Отдать свой лучший труд, который готовился годами специально для Хуиши... Теперь понятно, почему Линьси так мил канцлеру и его сыну. Его расчёт был куда глубже и дальновиднее.

«Если этот труд преподнесу я, то и продвигать по службе будут меня?!»

Одержимый этой идеей, он больше не мог себя сдерживать. Хорошо сдать экзамены — это путь к власти, но без покровительства успех простолюдина может быть недолгим. А он и так был уверен, что пройдёт испытания.

Решившись, Су Цили принялся осторожно выведывать круг тем для эссе. Услышав желаемое, он не смог сдержать торжествующей улыбки.

Добившись своего, он помог Линьси встать, предлагая проводить его. Но тот замахал руками:

— Нет, нет! Я сам дойду. Если канцлер узнает, что я болтал с тобой о таких вещах, он разгневается. Я верен господину канцлеру и не должен совершать таких ошибок.

— Ты иди к себе, а я...

— Я пойду к себе...

— Только обещай: никто не должен знать, о чём я тебе сказал. Ни единая душа!

<http://bllate.org/book/15344/1417297>